Послѣ временъ оныхъ егда въ Греции *учения* по малу увядати начали... (л. 39).	Послѣ временъ оныхъ егда въ Греции *науки* по малу увядати начали... (стр. 28).
Аще подземное источника будетъ *протяжение*... (л. 318).	Аще подземный будетъ *проходъ* источника... (стр. 186).

Многочисленные подразделения глав книги были обозначены в рукописи словом *предложение*; в печатном издании они названы *предлогами*. При исправлении рукописи слово *излияние* было заменено словом *разлив*, *изображение* — *вид*, *пришествие* — *приход* и т. п.

Имеющиеся словарные материалы подтверждают употребительность в деловой и разговорной речи допетровской и петровской поры именно тех лексических параллелей, которые были введены переводчиком при корректировании рукописи. Так, слово *обычай* имеется и в «Рукописном лексиконе» первой половины XVIII в. (составлен В. Н. Татищевым), содержащем в основном лексику живого языка того времени,[23] и в «Русской грамматике» Лудольфа (конец XVII в.), и в «Материалах» И. И. Срезневского. И. И. Срезневский указывает шесть значений слова *обычай*; иллюстрации подтверждают его употребительность в народно-разговорном языке. Например: «И то ты чинишь с Литовского обычая... 1499 г.».[24] В «Русской грамматике» Г. Лудольфа (разговор хозяина и слуги): «То их убычей, что лутче ты платишь то хуже служают».[25]

Слово *пришествие* в «Рукописном лексиконе» В. Н. Татищева дано с пометой «славянское»; в этом же словаре есть русское соответствие *приход*. Слово *наука* имеется в «Русской грамматике» Г. В. Лудольфа, составленной на материале живой речи.

В начале XVIII столетия для живого употребления были, по-видимому, более характерны формы на *-ость*, нежели на *-ство*.[26] Можно утверждать, что именно поэтому Ф. Поликарпов заменяет многократно употребленное в рукописи слово *величество* его однокоренной параллелью *великость*:

В рукописи	*В печатном издании*
О размѣрѣ земномъ и *величествѣ*.	О размѣрѣ земноводнаго круга и *великости*.

Такая же замена наблюдается и в других случаях.

Корректируя высокий церковнославянский слог с целью сближения его со слогом общенародной речи, Ф. Поликарпов не проводит этого последовательно. Поэтому язык исправленного перевода все же ближе к церковнославянскому, нежели к живому, разговорному. Печатный текст изобилует и традиционно книжными, устаревшими грамматическими формами, и теми лексическими вариантами, которые имели характерные признаки церковнославянизмов (*блато*, *брег*, *вода сланая*, *сребро*, *злато*, *древо*, *езеро*, *есень* и мн. др.).

---

[23] Рукописный лексикон первой половины XVIII в. Подготовка к печати и вступительная статья А. П. Аверьяновой. Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1964. Имеющиеся в этом словаре немногочисленные церковнославянские слова снабжены пометой «славянское».

[24] Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского. СПб., 1893—1903, т. II, стр. 574.

[25] Г. В. Лудольф. Русская грамматика, стр. 56.

[26] Вопрос об использовании однокоренных параллелей на *-ость*, *-ство* и *-ость*, *-ие* рассмотрен И. М. Мальцевой в статье «Из наблюдений над словообразованием в языке XVIII в.» (в кн.: Процессы формирования лексики русского литературного языка. М.—Л., 1966, стр. 259—284). Наше предположение вполне совпадает с наблюдениями автора статьи.